

Ì î ÿ ðí î ñòü

САЛЕКСАНДРОМ Андреевичем Конопатовым (10. 09. 1925 г.- 15. 07. 1995 г.) меня связывали годы совместной работы в невелиской районной газете «Красное Знамя». Мы познакомились в далеком теперь уже 1967 году. Но до сих пор живы в памяти его воспоминания об Усвятах, где он родился, о семье, и, конечно же, о войне, которую он переживал в оккупации, затем с оружием в руках сражался в составе 334 полка 47 Невельской стрелковой дивизии. Был он бронбойщиком, несколько раз ранен и награжден. В послевоенные годы работал учителем в Усвятской средней школе, а потом – редактировал районную газету. После ликвидации Усвятского района в 1959 году его перевели в Невель, где почти тридцать лет, до выхода на пенсию, работал ответственным секретарем районной газеты.

О том, что Александр Андреевич во время войны вел дневник, записывал по горячим следам свои воспоминания о жизни на оккупированной территории, знали лишь самые близкие ему люди. В нем много личного - душевных переживаний, впечатлений, эмоций. Автор был слишком молод и неопытен, а реалии жизни – жестоки и беспощадны. Слог его незамысловат и прост, чувства искренни. Они нам дороги сегодня как свидетельства очевидца, как живые строки истории, которые невозможно переписать на белом.

Воспоминания, которые мы публикуем, написаны в августе - сентябре 1944 года, когда их автору был 21 год, он со своей дивизией находился на территории Литвы. Тетрадь шита из того, что оказалось под руками - листовок-призывов, выпущенных к 26-й годовщине Красной Армии, и трофейной немецкой бухгалтерской книги.

Дневник своего отца мне передал Владимир Александрович Конопатов, который живет и работает в Невеле. Мы постарались максимально сохранить стиль изложения, небольшие сокращения обозначены (...). Некоторые пояснения даны в примечаниях.

Николай Никитенко

Здесь помещены некоторые выдержки из моего дневника, забытые еще мною, хотя дневник находится дома.

Александр Конопатов. Литва, 4 августа 1944 года.

Только что произвел смену постов. Сменившиеся часовые легли отдыхать. Я, как начальник караула, должен и обязан производить смену часовых вовремя. Ночь – 2 часа 15 минут... Я сел за стол, закурил большую папиросу, пытаюсь этим прогнать сон, который уже начал меня одолевать.

И вот мне вспомнилось начало июня 1941 года.

Как сейчас помню, пятого числа я сдавал последнее испытание – по немецкому языку. Сдал на «хорошо». Можно было считать, что 9-й класс мною закончен, я переведен в 10-й класс. Был устроен вечер в честь окончания учебы, на котором играл школьный оркестр. Я тоже в него входил – играл на кларнете.

Настроение у всех было замечательное. Этот учебный год, как и прошлый, наш класс закончил со 100% успеваемостью. За нами осталось переходящее красное знамя, и наш класс стали называть краснознаменным. Мы поздравляли друг друга с одержанной победой. Почти до самого утра мы веселились. Предстоял 3-месячный отпуск – летние каникулы. Я строил планы на будущее, хотел как можно интереснее провести каникулы и в то же время с пользой для дальнейшей учебы.

И вот отец сказал, что в июле он возьмет отпуск и мы поедем с ним в Ленинград. «А там мы с тобой купим хороший баянчик, и тогда учишь, Шурка, уже на нем», – сказал отец.

**А. А. Конопатов (слева) беседует с Героем Советского Союза
М. А. Егоровым. Невель. 1965 год**

Я ждал с нетерпением того дня, когда у меня появится баян. «Ну, сегодня уже 18-е, – мысленно рассуждал я. – До июля осталось двадцать дней». Наступило 20-е, значит осталось десять дней.

Ну, вот уже 22 июня... Я услышал по радио выступление товарища Молотова Вячеслава Михайловича о вероломном нападении гитлеровской Германии на Советский Союз. Понял, что построенный мною план по правильному использованию каникул потерпел неудачу.

Я с жадностью слушал радио, читал газеты, с большим вниманием следил за ходом событий на фронтах Великой Отечественной войны. И вот 3 июля в 6 часов утра я услышал по радио выступление Иосифа Виссарионовича Сталина.

«Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои!» – такими словами начал товарищ Сталин.

Я разбудил еще спавших отца, мать и братишку. Мы все вместе слушали нашего вождя и боялись пропустить хоть слово. А я старался как можно глубже вложить в свою память его речь. С тех пор прошло три года, но и сейчас хорошо помню все его слова: «Вероломное военное нападение гитлеровской Германии на нашу Родину, начатое 22 июня 1941 года, продолжается... Над нашей Родиной нависла серьезная опасность». Так понятно, просто и справедливо говорил наш Сталин.

(...) В нашем местечке¹ организовали истребительный батальон. Мне тогда было 17 лет, но я был горд, что не остался в стороне, – тоже входил в его состав. Командиром батальона был третий секретарь райкома ВКП(б), а комиссаром – заведующий военным отделом райкома партии, его дочь Татьяна училась со мной в одном классе (...).

Еще до организации батальона все население нашего местечка ходило на оборонительные работы около Усвят. Дней десять я принимал активное участие в этих работах. Работал вместе с учителями и учениками, с колхозными служащими – все старались помочь Родине самоотверженным трудом. Но вот числа 9 июля я уже входил в состав истребительного батальона, который только что начал организовываться. В ночь с 11 на 12 июля уже стоял на посту с винтовкой в руках, охраняя мост вместе со своим учителем литературы Александром Ивановичем Муссиевичем. В 6 часов утра нас сменили, я пришел домой, позавтракал и лег спать. В 12 часов дня снова стоял на посту. В 6 часов вечера нас сменили. Теперь я до 14-го был свободен.

Но больше мне не пришлось стоять на посту, ибо 13 и 14 июля произошло что-то невероятное и неожиданное для всего населения. В 12 часов дня к райкому партии подъехала вся запыленная военная машина. Из нее вышел лейтенант и направился к секретарю райкома. Что он там сообщил, мне до сих пор неизвестно. Но 13 числа не совсем далеко я услышал раскатистые орудийные выстрелы и все понял.

В это время наш район или Усвяты не имели связи с Велижем и Смоленском.² Отец (он тогда работал главным бухгалтером) с управляющим банка направились к председателю райисполкома,³ чтобы узнать точнее обо всем происходящем. Вернувшись домой, он сообщил, что немец из Городка направился к Усвятам, а это 55 - 60 км. И вот райком и райисполком приняли решение об эвакуации учреждений. В Усвятах в то время была всего одна машина и несколько лошадей. Общую эвакуацию произвести не было возможности, ибо транспорт отсутствовал.

Лошадь госбанка еще раньше, дней пять назад, была взята в армию, и отцу пришлось самому искать лошадь для эвакуации банка. И вот метрах в 200 от Усвят он нашел пасущуюся клячонку и притащил ее к госбанку. Телегу тоже где-то нашли, то же самое и упряжь.

Мать чувствовала и знала, что ждет отца впереди, но была молчалива, и лишь изредка на ее глазах появлялись слезы, которые она старалась скрыть. Но и отец, и я замечали, что она втихомолку плачет.

Я взял свою винтовку, вещевой мешок с продуктами и бельем. Мать каждому из нас сделала еще по одному вещмешку. Все это я отнес в госбанк – я тоже хотел ехать с отцом.

Час отъезда настал. Я не могу передать, что делалось в тот момент. Усвяты пустыли, я видел, как жители выходили из местечка километра на 3 - 5. Шли старики, женщины, мужчины, дети, юноши и девушки. Некоторые свой скарб везли на коровах, но заехав 2 - 3 км за Усвяты, возвращались обратно, ибо коровы их не слушались. В общем, не многим удалось уйти в тыл.

Но я был уверен, что уеду с отцом, и радовался этому. Мы распрощались с матерью, братишкой и ушли. Возле банка уже стояла лошадь. Подводу загрузили деньгами и документами. Я положил свою винтовку и вещмешок на повозку. Остановка была за управляющим – ждали его. Наконец он пришел вместе с начальником уголовного розыска.

– А ты, Шурка, куда? – спросил он меня.

– Еду с вами, – с гордостью ответил я.

– Что ты! Я оставил свою жену с 4-летним сынишкой, а ты поедешь. На чем ты поедешь, если места свободного нет? Сами пешком пойдем. Ведь еду я, твой отец, старший кассир, начальник уголовного розыска и два милиционера. Да разве нам будет время таскаться в такой дороге с тобой?

Я настаивал на своем.

– Дальше, – продолжал он, – быть может, мы не отъедем и 10 км, как будем схвачены немцами.

– Ну, я-то уж не думаю об этом, у меня есть пистолет, я все патроны выпущу в немцев, а один... оставляю для себя, – тихим, но решительным голосом промолвил отец. – Да, Шура, – обратился он ко мне, – ничего не поделаешь, останься с матерью. Я, быть может, выберусь, доставлю все это в Москву, а вот здесь остается мать с тремя детьми. Как она будет здесь жить? Оставайся, ты еще школьник, молод, ну что ты будешь с нами скитаться. Оставайся, оставайся с матерью, пожалей ее. Может получиться так, что нас по дороге убьют. Нам неизвестно, где сейчас немец, может, нас захватят внезапно, факт, что нас расстреляют. А может получиться и так, что немца не допустят до Усвят.

– Нет, папа, дорогой, я с тобой поеду!

Видя мою настойчивость, они убедились, что упрашивать меня бесполезно, и поэтому решили взять с собой. Я был снова рад и наполнен гордостью.

– Да, кстати, я забыл ушные капли дома, – проговорил отец, – сбегай быстренько, Шура.

Нехорошо отца не послушать, ведь если он действительно не взял капли, то, считай, – пропал. Ведь он несколько раз в день чистит ими свои уши. Он еще в гражданскую войну был контужен под Двинском и наполовину потерял слух. Я не знал, что делать. А вдруг они нарочно так задумали, а сами в этот момент уедут.

– Вы только не уезжайте, – чуть не плача проговорил я. Посмотрев на отца, будто увидел в его глазах: «Иди, не бойся, подождем».

И я, не замечая, кто проходит мимо, попадаетея навстречу, со всех ног пустился бежать. Вот и дом. На двери висел замок, и я понял, что мать, как и все другие, вместе с детьми ушла куда-то: или в лес, или в другую деревню. Я бросился к окну – закрыто. Одно окно у нас держалось на гвоздях. Отогнув быстро гвозди, я вынул раму и впрыгнул в комнату. На столе действительно стояла бутылочка с каплями. Засунув ее в карман, я кое-как вставил раму и побежал.

Я бежал как сумасшедший, ни на что не обращал внимания. У меня была одна мысль – успеть. И что же я увидел, прибежав к тому месту? Ни повозки с ценностями, ни отца уже не было. Я не знал, что делать, куда бежать. Я горько-горько заплакал. «Неужели отец обманул меня? – думал я. Нет, не мог он так поступить, это они его заставили». Я бросился вдогонку...

- Вы куда бежите? – услышал я чей-то голос. – Отца догоняете? Он, вот, просил передать вам вещмешок.

Я посмотрел на этого человека и не узнал его. Быстро схватил вещмешок, сшитый матерью, и снова бросился бежать. Я бежал и плакал, как маленький ребенок. Впервые мне, в моей еще совсем короткой жизни, пришлось испытать такое большое горе. «Неужели я останусь под игом немца? Неужели я не догону своего отца? Не может быть, все равно догону!» Так я пробежал километров пять. Бежал, пока силы не покинули меня. В конце концов, почувствовал, что мои ноги начали слабеть, и подошел такой момент, когда они перестали меня слушаться.

Я упал на траву и зарыдал. В тот момент не знал, что мне делать, я готов был провалиться сквозь землю. Так пролежал минут сорок. Когда встал и оглянулся вокруг, то никого не увидел, дорога тоже была пуста – все, кто могли, уехали. Я уже начал жалеть, что не уехал с кем-нибудь, но у кого обо мне болела голова? Я не знал, куда мне идти, куда бросаться...

...Эх, если бы это было теперь! Я бы один ушел или в лес, или в тыл. Но тогда у меня был слишком узкий кругозор мышления, я не имел тогда большого представления о жизни, не имел правильного понятия, что такое жизнь. Я был слишком молод и нерешителен, как говорится, еще был маменькиным сыночком. С одной стороны, мне жаль было бросить мать с тремя детьми, с другой – мне жаль отца. Как видите, мной еще овладевало детство, мне страшно было оставаться «под немцем». Если бы это было сейчас, то я с закрытыми глазами удрал бы куда-нибудь, только бы не остаться под тяжелым немецким сапогом.

Я ничего не мог больше придумать, как вернуться домой. С какой-то боязнью, страхом я направился в Усвяты. «Неужели отец пожелал бросить меня на погибель», - думал я. Мне стало еще обиднее. «Ну, что же делать, ведь я советский человек и должен уметь переносить трудности, к тому же я - комсомолец», - утешал я себя этими мыслями.

И снова думаю, что тогда я был еще школьником, не имел опыта в жизни. А теперь, когда я побывал в оккупации, когда много раз был в боях, в одном из боев был тяжело ранен, а в первом же бою получил легкое ранение, когда перенес на своих собственных плечах большие трудности и видел страдания тысяч людей, когда фронт остается фактом, теперь я поступил бы иначе. Но это было три года тому назад. Проходит время, меняется жизнь, и жизнь меняет нас. Я видел, как немцы вешали, расстреливали наших людей. Но прежде чем приступить к рассказу об этом, я решил осветить все по порядку.

...И вот я вошел в Усвяты. За каких-то два часа они опустели. Подходя к церкви, я встретил Баскина Михаила Марковича, спросил его, куда он идет. Он ответил, что к совхозу. Баскин работал у нас завклубом и одновременно директором кинотеатра – все находилось в одном здании. Сам он был кандидатом в члены ВКП(б). Впоследствии с ним приключилась плачевная история...

Моя улица тоже была пуста и безлюдна – ни одного человека, за исключением нескольких стариков. Дом, по-прежнему, был закрыт на замок. В хлеву стояла корова, которая увидела меня и замычала, словно обрадовалась моему приходу, в углу хрюкала небольшая свинья – просила есть. Пришлось наломать бурачного листа и дать ей, она сразу же утихла. В самом углу сарая молча сидела утка. Она будто бы понимала, что кричать бесполезно. Когда я приблизился к ней, она встала и тихонько отошла в сторону.

Снова вытащил оконную раму и влез в дом, он был почти пуст. Только теперь я смог рассмотреть, что все основное мать с ребятами забрала с собой. Хлеба в доме не было ни одного кусочка. (...)

...В то время, как ехал я на лодке, немцы хозяйничали уже в Усвятах. Нельзя сказать, что вошли они без боев. Еще днем в 12 километрах от Усвят, у деревни Узкое происходили крупные бои между пограничными частями (небольшими группами) и регулярными немецкими войсками. Было слышно и заметно по всему, что пограничные части стойко держались несмотря на значительное превосходство врага. Лишь к вечеру только горсточка оставшихся в живых пограничников отошла...

И вот немец у самых Усвят. Несмотря на то, что здесь уже не было ни одного военного человека, фашистская гадина побоялась вступать с винтовками в руках. И вот на улицах Усвят показались два фашистских танка под прикрытием с воздуха двух самолетов. Послышался визг бомб и свист пуль. Тяжелые комья земли вздымались вверх, с шумом и треском во все стороны летели осколки. Этот шум впервые переживало местечко.

Так продолжалось недолго. И немцы, видя, что на улицах нет ни беготни, ни паники, устремились в это тихое, скромное, культурное местечко.⁴ Они начали хозяйничать по-своему, начали наводить «новый порядок» - европейский: разломали радиоузел, не оставив при этом ни одного винтика в целости, перевернули вверх дном помещение «Фотографии» Моя родная школа заполнилась фашистскими лошадьми. Лошадей нельзя было ввести в дверь – двери разломали, стены между классами выломали, киноаппаратуру разбили прикладами винтовок, разорили типографию, разбросав весь типографский набор. На улицах послышались винтовочные выстрелы.

Но это было только началом...(...)

...Было уже светло. Веселое и радостное солнце медленно выплывало из-за леса, как тихая волна, омывающая берег озера. Снаряд или мина, в то время я не знал точно, разорвалась метрах в 15 от меня. Мне было страшно в тот момент. Я упал, но скоро встал – почувствовал, что остался невредим. Только в ушах стоял какой-то шум, на который не обращал внимания. Вот и дом – первый в Бондареве.⁵ Я вбежал в комнату, спрашиваю, где здесь усвятские жители. Мне показали сарай, бросился туда. Смотрю, ко мне подходит Касиков Тихон. Я спросил у него о матери.

– А она, как услышала взрывы, ушла из Бондарева.

– Куда она пошла? – быстро спросил я его.

– Не знаю: или в лес, а быть может, домой, в Усвяты.

Эх, думаю, и здесь я потерпел неудачу. Остановился в недоумении. Не знал, что делать, но мне очень хотелось как можно скорее встретиться с матерью. Бросился к лесу, что от Бондарева в полутора километрах. Но здесь меня остановила молодая женщина с нашей улицы – Денежкина Матрена.

– Иди домой, Шурка, мать ушла с Виктором и девочками (Таней и Ниной) домой. Я тоже домой иду, нам сказали, что немец будет расстреливать всех, кто не повинуется его приказу и не возвратится, – проговорила она быстрым говорком. – Иди, иди, – продолжала она, – не бросай мать, ведь она думает, что ты уехал с отцом. Ну а как у нас там в Усвятах?

Ничего не ответив, я бросился к лодке. Минут 15 - 20 я не мог решиться сесть в нее. Мне было страшно и обидно возвращаться, но жалость к матери оказалась сильнее. Я сел в лодку и поехал обратно. В тот момент многие усвятские жители возвращались на свои места... Когда

до берега осталось метров 25, над головой я услышал рев моторов и увидел 12 бомбардировщиков с красными звездами на крыльях.

– Наши! Наши! – закричал я, но спохватился – немцы могли услышать.

Когда вышел на берег и огляделся, то под крышей дедушкиной бани увидел двух немцев, которые смотрели то на меня, то со страхом на самолеты с красными звездами на крыльях. Вот так я впервые увидел вшивых фрицев.

В это время послышались взрывы – это наша авиация бомбила фрицевские машины и живую силу, двигавшуюся по шоссе. Я позабыл обо всем. Теперь я точно знал, что никто из нас не брошен на произвол судьбы, был горд, что наши летчики дают знать о себе и что удары по немцам еще все впереди. Пробомбив как следует, самолеты ушли куда-то вдаль. Я посмотрел туда, где сидели два немца, – их там не было. Куда-то спрятались, подумал я, испугались, сволочи!

Бегом припустился к дому.

– Где мать? – был первый мой вопрос, когда я вошел в дом.

– Шура! Сын мой! – услышал я голос матери – она плакала. Бросился к ней и тоже заплакал.(...)

...– Александровна, здравствуйте! – я услышал знакомый женский голос.

– А-а-а, здравствуй, Маня! – ответила мать.

– Ну, привет от Андрея! Четырнадцатого я видела его в Церковище.

Услышав это, я бросился в комнату, где мать разговаривала с женщиной. Это была Сандлер Мария. Она тоже со своими сыновьями Ицхой (14 лет) и Езиком (12 лет) пешком пыталась эвакуироваться.

– Ну, как там отец? – спросил я ее. И она начала свой рассказ:

– Из Усвят они вышли, да вы знаете когда, – проговорила она. – 14-го утром я видела их в Церковище. Там был Будыхо – управляющий, Денежкин, Филиппович (мой отец), начальник уголовного розыска, два милиционера и еще какая-то женщина. Только они стали подъезжать к Церковищу, как вдруг у телеги отвалилось колесо. Филиппович дошел до председателя колхоза, организовал ремонт. Я в это время подошла уже к мосту и рассказала им, что иду в Усвяты...

– Да вы скажите, что он говорил про меня! – перебил я ее.

Она продолжала:

– Да, он сказал: «Послал я Шурку за ушными каплями, он должен был ехать со мной, мы его ждали. Но в это время к нам подошел заведующий райзо Богданов и сообщил, что немец уже близко от Усвят и нужно быстрее уезжать. Мы вынуждены были уехать. Мне хотелось сына дожидаться, жалко было бросать его на гибель, но ведь служба. Я вынужден был двинуться с ценностями и документами. Каждый честный советский гражданин поступил бы так».

– Ой, Александровна, как он переживает за Шурку, прямо болеет. Он же сказал мне, что теперь Шурка плачет и ругает его, что вот, мол, отец бросил сына. Долго я с ними не разговаривала, повозка у них была готова. Я попрощалась, а он даже заплакал – жалеет сына. И только они уехали из Церковища, к вечеру немцы на машинах прибыли. Не знаю, – продолжала она, – как бы немец не догнал их, как бы он их не захватил. Ведь они уехали на подводе, а немец-то на машинах.

Она закончила и ушла.

После всего сказанного, я вспомнил, что отец говорил перед самым отъездом: немец живым не дамся. Мою голову заполнили страшные мысли. Мне думалось, что отец застрелил сам себя, ведь немец шел за ними по пятам, или не успел стрельнуть даже и его схватили, а может, не пойдут немцы той дорогой, которой едет отец. Я окончательно расстроился, мать беспрестанно плакала. Несколько раз пытался успокоить ее, но все было бесполезно.

– Эх, проклятая немчура, – проговорил я, скрипя зубами, – придет время, и я отомщу за все, что вы натворили. Что-то еще хотел сказать, но мать закрыла мне рот рукой.

– Молчи. Услышат – расстреляют, а ведь ты еще пригодишься и мне, и Родине. Я знаю, что наши придут, и тогда ты пойдешь на фронт и будешь драться с фашистской гадиной. Вот тогда я скажу тебе: бей их, гадов, не жалея патронов, бей, гони их с нашей земли.

Последние слова она проговорила страдальческим голосом, со слезами на глазах.

...Конец июля и начало августа я провел дома. Боялся выходить, и дома сидеть было страшно. Я слышал, как по Усвятам трещали винтовочные выстрелы. Фашисты рыскали по домам, как голодные волки. Только и слышно было: «Матка! Млеко! Яйки! Шпик!»

Как-то я взял в руки свою мандолину и начал играть наши родные песни. Настолько увлекся, что не замечал ничего вокруг. Играя, вспоминал мирные дни, свободные дни... Вдруг меня остановил растерянный голос матери:

– Шурка, перестань, к нам немец идет.

Не успел спрятать инструмент, как в дверях появился немецкий фельдфебель. Он направился прямо ко мне. И вот этот дикарь, первобытный человек взял мою мандолину, заткнул ее за ремень и, довольный своим поступком, вышел. Мы с матерью молчали.

Я понял, что жизнь моя переменялась. Настали трудные времена не только для меня, но и для всей нашей семьи.(...)

...В конце августа я увидел, что мимо моего дома прошел Александр Иванович Мусиевич, мой учитель литературы. Я выбежал за ним. Мы встретились и разговаривали уже не как учитель и ученик, а как старший и младший товарищи. Я долго советовался с ним о дальнейшей жизни: как быть? В конце концов, мы пришли к выводу, что нужно как можно реже попадаться на глаза немцам и вообще реже выходить на улицу.

– И сколько можно так прожить? – спросил я.

– Мы ничего не можем сделать, – проговорил он.

– Но у нас нет ни кусочка хлеба.

– А у меня, думаете, есть, – ответил он. – Придется заняться каким-нибудь промыслом.

Но я не был приспособлен ни к какому ремеслу, и у Александра Ивановича не было никакой другой профессии, кроме как учитель.

Решили так: с сентября начнется обмолот хлебов в колхозе им. Сталина, и нам придется ходить туда на заработки. Так и получилось. 1 сентября у нас уже не было ни кусочка хлеба. Мне, матери и братишке пришлось идти на работу. Рядом со мной работал Александр Иванович. Мы с ним были всегда откровенны и говорили, что наша Красная Армия возвратится. Мы были уверены в победе наших войск. С нами вместе работал учитель химии и географии Василий Михайлович Дьяконов, учителя математики Тимофей Григорьевич Боровков и Анатолий Романович Гайдуков. Трудно было, но работали, ничего не поделаешь.

За сентябрь я и мать получили по 7 кг ржи, брат – 4 кг. Таня и Нина не работали – были слишком малы. В октябре – та же самая работа. Но 18 кг ржи на пятерых – это слишком мало. Я не знал, что дальше делать. Сосед Геннадий Богданов предложил мне ловить с ним рыбу, но у меня ничего не получалось и я вынужден был бросить это дело.

Время шло. Становилось все труднее.(...) Я встретил своего лучшего друга Ноню Нахмансона. Мы сидели у нас в комнате и строили планы, как нам дальше жить. Надо сказать, что к этому времени все усвятские евреи были собраны в одно место. Утром следующего дня мы снова встретились с ним.

А 9 ноября его не стало – расстреляли. Вечером 8-го возле клуба были слышны несколько выстрелов, один за другим. Это были расстреляны пять евреев... От рук фашистских мерзавцев погибли Голомшток Шолом – отличник, учился в 10 классе; Забеженский Хаим, тоже десятиклассник; наш усвятский парикмахер Симон Маркович Кацев; а также фотограф Хряцков.

Все эти события поразили меня, заставили менять представление о жизни. Ведь это мой товарищ Наум Нахмансон. Он учился на «хорошо» и «отлично». Я только что с ним разговаривал и вдруг – его не стало... Тот день – 9 ноября – был морозным. Воскресенье, утро, около десяти часов. Мы с Наумом сидели за столом у нас дома, хотя и был строгий приказ о запрете посещения евреями русских квартир и наоборот. Вдруг по нашей улице прошел отряд немцев, человек тридцать. Они направились к кварталу, где жили все евреи нашего местечка – еврейскому гетто, как его называли. Ноня вскочил на ноги.

– Пойду, а то там мать, отец, сестра Доба, – проговорил он.

– Ноня, не ходи, а вдруг они что-то хотят там сделать, – начал уговаривать я его.

– Нет, Шура, я пойду, – услышал я его ответ. И он скрылся.

Только он ушел, как к нам зашел Изик – сын двоюродного брата моего отца, который воевал где-то на фронте. Тут же за ним вбежала его мать:

– Изик, пойдем быстрее, немцы пришли в наш лагерь. Всех выстроили, а кого нет – будут расстреливать. Пойдем быстрее, мой дорогой сын, – рыдая, произнесла она. И они с плачем бросились бежать в строй.

Я понял, что предстоит что-то нехорошее, страшное. Через некоторое время я услышал голос Изика, который бежал к дому своего дедушки с криком, наводящим ужас. Не успел он вбежать в дом, как снова за ним оказалась его мать. Она плакала и умоляла сына идти снова туда. Куда? Туда, где творились страх, ужас, где ждала смерть.

– Изик, сын мой, идем, иначе меня и тебя расстреляют.

А в это самое время раздались десять выстрелов. По моему телу пробежала дрожь – это там, куда мать звала своего сына. Десять человек уже были зверски убиты фашистскими па-лачами. В их число попал и мой товарищ Наум, как после я узнал.

Мать Изика оказалась в тупике, она не знала, что ей делать. Она металась, но больше не тащила своего сына туда, где творились зверства. Вдруг к ним подбежали два немца, один потащил ее, другой Изика. Это была страшная картина. Мать Изика два раза падала в обмо-рок, она не могла уже больше кричать, был слышен только хрип, а немец все тащил и тащил ее. Она уже не могла передвигаться на ногах, и фашистский пес тащил по земле эту бедную женщину.

Изик в это время был сам не свой.

– Люди, добрые люди, спасите меня, спасите, ведь меня расстреляют сейчас. Я жить хочу, спасите, мама, мама! Милая! – кричал этот мальчик. Но в этот момент мать не слышала ужасающего крика своего сына.(...)

А Изик снова кричал:

– Люди, спасите, поймите, ведь я погибаю!

Он просил о помощи, но как можно было помочь? Ведь по всей улице, почти около каждого дома, стояли немецкие солдаты и по улице ходили патрули.

Вот еще раздались десять выстрелов. Еще десять человек не стало. Как после выясни-лось, в это число попала и Кася Баскина, заместитель главного бухгалтера госбанка (моего отца), ее мать и отец. Какие сволочи эти немцы, всю семью уничтожили! Я видел, как был повешен М. М. Баскин,(б) брат Каси. Эти людоеды немецкие, смеясь, смотрели на то, как человек умирал от удувки. Я не могу описать вид Баскина в тот момент.

Когда дочь и жена старика Баскина уже были расстреляны, а сын уже третьи сутки висел на виселице, он сам был ранен в голову разрывной пулей. Он мучился, стонал, просил пить. То просил, чтобы его перевязали, то – чтобы пристрелили, но никто из немецких солдат не обращал на него внимания. Они уже готовили к расстрелу следующую партию.

На что они пустились, фашистские изверги, что они делают, неужели им не жалко лю-дей!? Я задавал себе эти вопросы и сам себе отвечал:

– Нет, им не жалко, их нельзя назвать людьми, фашисты хуже зверей.

Притащили и Изика с матерью. Там уже стояли четыре мальчика – двоим по восемь лет, одиннадцать и двенадцать. Рядом поставили Изика – двенадцатилетнего паренька, а мать оставили в сторонке (...)

Я не могу все это описать, я не писатель. Вы сами представьте себе эту картину страш-ной смерти сына перед материнскими глазами.

Раздались выстрелы, и пяти ребятишек не стало. Мать Изика упала в обморок.

За этот день было расстреляно более тридцати человек, и это в таком маленьком, тихом местечке. Всех этих советских граждан фашистские псы приказали зарыть в одну могилу. Старик Баскин все еще был живой. Наконец нашелся один мерзавец, который пристрелил его.

Тело Михаши Баскина в этот день разрешили снять. Таким образом, вся семья была в одной могиле.(...)

Таких случаев было великое множество. Земля поднималась от трупов людей, расстрелянных фашистами. А сколько молодежи было расстреляно! Эх, придет время, если я доживу, и наша Красная Армия придет на выручку, вот тогда-то и я пойду освобождать наш народ, который так же терпит горе, как и я. Придет время, когда Красная Армия сбросит с нас этот тяжелый немецкий сапог!(...)

...Не прошло той ночи, чтобы я не слышал всхлипывающий голос матери. Она всегда ложилась спать последней, думая, что и я, и братишка Виктор, и Геня с Ниной давно спят. Да, действительно они спали, но я не спал. И однажды часов в 12 ночи я слышу, как мать плачет. Меня как в сердце кольнуло, как обожгло огнем. Хотел спросить ее, но, подумав, понял, что тревожить ее не надо. Пусть она одна будет так, ей будет легче и я свой голос боялся подать...(...)

...Я заболел. Две недели пролежал, ужасно болела голова. Лечить было нечем, да и некому. Только благодаря материнскому сердцу, материнской заботе я выздоровел. После болезни я начал учиться вязать сети. Старый дедушка, слепой старик учил меня. Дома уже почти нечего было кушать. Мать моя сделалась совсем старой, седой, очень исхудалой. На нее страшно было смотреть. А когда-то она была красивой, русоволосой женщиной, стройной, солидной. Она никогда не сидела без дела, для нас с братом делала все, только бы мы учились.

Жила наша семья замечательно, да вряд ли кто плохо жил в нашей стране. Таких, пожалуй, не было. И вот началась война - разлука с отцом, который ради выполнения долга перед Родиной бросил семью на произвол судьбы. Неудачная моя поездка, беспокойство за меня, оставшиеся с нами две племянницы (дочери ее сестры Елены) Таня с Ниной. Почти ежедневные расстрелы, виселицы и другие издевательства немцев над населением. Приказ о вывозе мужского населения, достигшего пятнадцати лет, в Германию. Все это еще больше подорвало здоровье моей матери. (...)

...Итак я занялся ловлей рыбы. Спал совершенно мало... Вот уже неделя, как я ловлю рыбу. Но вот однажды пришел начальник управы Сапегин И. П. и категорически приказал прекратить рыбную ловлю.

Я вынужден был бросить и это свое ремесло...(...)

Числа 20 января уже 1942 года появился слух, что всю молодежь с 5 по 10 февраля будут отправлять в Германию. Вот здесь-то я задумался окончательно.

Как стыдно мне сейчас при воспоминании о том страшном времени. Каким я был беспомощным, слабым и, можно сказать, мальчишкой. Но в то время я другим быть не мог... Что я мог сделать, если мои учителя были в тупике? Никто не знал, как поступить дальше. Да, теперь, имея некоторый опыт, я принял бы другое решение (...). Скажу прямо, что, посмотрев все издевательства, которые творили немецкие головорезы, у меня тогда уже появился некоторый толчок, который заставлял сделать побег из Усвят... из-под немца, даже отбрасывая все жалости к моей измученной матери... Нашлись бы такие люди, которые посоветовали мне, куда уйти... (...)

... Как-то в середине декабря 1941 года пришла бабушка и сказала, что Денежкин вернулся домой – сбежал из плена. Мать пошла к нему узнать хоть что-то об отце (они вместе эвакуировались в Москву, везли документы и деньги). В Вязьме Ивана Денежкина мобилизовали в армию. Будыко неизвестно куда делся, и отец поехал в Москву один с деньгами и документами.⁷ На самого же Ивана было страшно смотреть. В одном из боев он попал в плен и его отправили в лагерь военнопленных в Смоленск. Вспоминая об этом, он плакал:

– Ужас, что там творилось! Зима, мороз, невыносимый голод. Кормили только утром и вечером, но это так называлось, что кормили. Утром давали сырую мерзлую картошку, залитую сырой водой, а вечером – подогретую воду. Хлеба не давали. Жили под открытым небом. Кто был в силах, тех выгоняли на работу. Кто уже не мог встать, били и забивали до смерти. Вечером ляжешь спать, утром просыпаешься – вокруг трупы. Ежедневно умирали десятками, да и забивали насмерть сколько! Однажды, когда возвращались с работы, я по-

чувствовал, что голова у меня закружилась и идти я уже не могу. Конвоир закричал на меня и ударил прикладом. Я падаю, потерял сознание... Очнулся на постели у какой-то старушки. Она успокоила меня, сказав, что я в безопасности...

Все это он рассказывал чуть слышным голосом, по его впалым щекам катились крупные слезы. Глядя на него, нельзя было сказать, что это живой человек – он был, как скелет. Вот до чего довели человека эти кровожадные изверги!

– Через какую-то старушку обо мне сообщили жене, – чуть слышно продолжал он, но больше уже ничего не смог сказать, лежал недвижимо.

Почти с самого Смоленска дочь и сестра тащили Ивана Денежкина на саночках домой. Без сознания пролежал он четверо суток, на пятые умер. Эх, сволочи, сволочи, до какой степени довели человека! И разве он один такой! Их сотни и сотни. Ну, поплатится фашист за все бедствия, причиненные нашему народу!

Теперь мы были уверены, что отец жив, что он в Москве.(...)

Числа 23 января в Усвяты были приведены два юноши. Никто не знал, кто они. Им было лет по 19-20. В этот день был сильный мороз. Вообще зима 1941 - 42 года была очень суровая. Одеты парни были в пиджаки и крестьянские широкие брюки – больше ничего. Босиком, с голыми головами. Надо же было вести людей в такой мороз босиком и полураздетыми! Они были избиты, лица все в синяках, у одного из правого уха текла кровь. При воспоминании об этом у меня сердце так и щемит, а ненависти к врагам появляется еще больше. Одного из парней повесили, другого отвели в комендатуру.

26-го начальник управы вызвал меня к себе и приказал напилить дров. Я категорически отказался.

– Ну, хорошо, будешь еще жалеть, – начал он, – пятого числа уберу тебя, вспомнишь потом.

– Убирайте! – крикнул я ему. – Сколько людей расстреляно, повешено, и ты в этом, изменник, виноват, ты за это будешь отвечать. Сделай и со мной то же, что и с этими погибшими людьми!

В это время выскочила мать и закричала не своим голосом на меня. Она заплакала – знала, что это ни к чему хорошему не приведет. Под вечер она ушла куда-то, я остался один. Долго я сидел в молчании... Наконец решил: 5 февраля нас погонят в Германию. Виктору 14 лет – его еще не отправят. Меня точно заберут, значит 30 января нужно уходить, но куда? Да все равно, куда-нибудь! И так, 30-го я должен быть не в Усвятах, а где-нибудь около Заголодья.⁸

В это время пришла мать.

– Кое-как упростила, чтобы простил он тебя, но сказал, что все равно пятого или десятого всю молодежь твоего возраста погонят в Германию, – мать плакала. Она ночи не спала, убивалась по мне. Я всячески пытался успокоить ее, но это было бесполезно.

27 января после обеда почти половина немецкого гарнизона куда-то уехала: одни говорили, что кого-то сменять, другие – что на партизан. 28-го уже не осталось никого, только вооруженные полицейские. Стемнело. Я запер дверь и стал наблюдать, что будет. Вдруг на нашей улице я увидел двух человек в белых халатах, и через некоторое время услышал крик «Наши! Наши!» Я выбежал на улицу и столкнулся еще с четырьмя незнакомцами.

– Кто здесь, – услышал я русскую речь, но промолчал.

– Не бойся, говори, ты откуда?

– Вот из этого дома.

– Ну, пошли, зайдем.

Входим, мать зажгла коптилку. Они поздоровались. Я молчу, мать тоже – неизвестно, что это за люди. Вдруг один из них снял маскхалат, и я увидел звездочку на шапке. «Мама! Наши! Наши!» Я кинулся на шею к каждому из них. Мать со слезами бросилась их целовать:

– Дорогие вы мои, освободители наши, господи! – а сама плачет от радости.

У нас наступил большой праздник. Да только ли унас? Все встречали освободителей со слезами на глазах.

Почти сразу же я повел их в дом начальника управы, но его не было – уехал с немцами.⁹

Врешь, сволочь, думал я, все равно попадешься, не уйдешь далеко, будешь в наших руках! Моей радости не было конца.

Итак, февраль 1942 года стал для моей жизни большой переменной. 14-го числа я уже шел в Красную Армию...¹⁰

Примечания

1. Местечко – особый тип населенного пункта, что было характерно для местностей, ранее входивших в состав Польши, с районами компактного проживания евреев. Еще в начале XX века А. П. Сапунов, составляя «Список населенных мест Витебской губернии», пытался выяснить, на основании какого закона или распоряжения правительственной власти Усвяты признаны местечком и с какого времени. Ответ был таков: «С давнего времени, но документов на это нет». В тот период 42 населенных пункта Витебской губернии, в состав которой входили Усвяты, имели статус местечка («Памятная книжка Витебской губернии на 1908 год», с. 18). Даже в 50 - 60-х годах прошлого столетия Усвяты иногда называли местечком, хотя они имели официальный статус «село». С 1985 года Усвяты – рабочий поселок.
2. В довоенный период Усвяты были районным центром Смоленской области.
3. Председатель Усвятского райисполкома – Я. В. Беленчиков.
4. Анализируя действия танковых соединений летом 1941 года под Городком и Велижем, бывший командующий 3-й немецкой танковой группы генерал-полковник Г. Гот отметил в своей книге («Танковые операции», 1999, Смоленск, с.113), что «передовые части дивизии (18 мотомеханизированной дивизии, двигавшейся из Городка. – прим. Н. Н.) 15 июля достигли населенного пункта Усвяты».
5. Бондарево – деревня на противоположной от Усвят стороне Усвятского озера.
6. Как свидетельствует акт Чрезвычайной Государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков в Усвятском районе, эта расправа произошла 7 ноября 1941 года. В этом документе отражены и некоторые другие факты зверств немецких оккупантов, о которых пишет А. А. Конопатов. (ГАНИПО, ф. 7370, оп.1, ед.хр.299, лл. 40-42).
7. Андрей Филиппович Конопатов, главный бухгалтер Усвятского отделения государственного банка, и сопровождающие лица через несколько недель доставили и сдали документы и ценности в Сычевское отделение государственного банка Смоленской области. За этот патриотический поступок А. Ф. Конопатов был награжден орденом Трудового Красного Знамени.
8. Заголодь – деревня к северо-востоку от Усвят, в труднодоступной лесисто-болотистой местности.
9. И. П. Сапегин, начальник управы Усвятского района, бежал с немцами в Невель, где продолжил свою службу у оккупантов. В октябре 1943 года после освобождения Невеля был арестован и предан суду военного трибунала.
10. А. А. Конопатов получил боевое крещение в боях на территории Усвятского района, который полностью был освобожден от немецко-фашистских оккупантов 26 октября 1943 года.